

Семейная реликвия.

В каждой семье, в каждом доме есть вещь, которая досталась в наследство от предков и хранит светлую память о них. В нашей семье такой реликвией является балалайка моего прадедушки Штельмаха Павла Карповича. Её подарили ему в 1980 году, когда он ушел на пенсию. Родственники купили балалайку в Свердловске и прислали в поселок Семейкино, где и жил мой прадедушка. Играть он не умел, но очень ему хотелось овладеть этой наукой. Дед его был скрипачом, и вырос прадедушка под звуки скрипки. Наверное, поэтому так тянуло его к музыке. Хорошо играть он не научился, но в доме с тех пор постоянно были слышны звуки струн, которые перебирал Павел Карпович. И были эти звуки такими ненавязчивыми, такими родными, что, когда ты их слышал, на сердце становилось легко и радостно!

Прадедушка очень любил вспоминать о своей жизни. Точнее, до пенсии молчал: время было рабочее, некогда было, да и не приветствовались такие

рассказы. А как стал свободным, его прорвало! И когда его сын с семьей приезжал на летние каникулы погостить в деревне, каждый день наполнялся его рассказами. Просыпался прадедушка с летним солнышком. И уже не спал. Брал в руки балалайку и давай перебирать струны! Наигрывал что-то и говорил, говорил, говорил. О своем детстве, о Сибири, где родился и рос, о глубоких водах Иртыша, про отца и мать, о том, как с шести лет уже работал в поле, выращивал рожь. Про революцию, раскулачивание, про то, как оказались здесь, на Донбассе, про страшные годы войны. Всё слушала, отзывалась на каждое слово его трехструнка. Впитала в себя всю его жизнь по дням, по минутам, по секундам. И казалось, что именно благодаря ей вся его нелегкая жизнь становилась светлой и безоблачной, потому что вместе с ней даже о самых страшных днях немецкого плена прадед рассказывал с улыбкой.

Даже во сне не расставался Павел Карпович со своим инструментом, положит рядом и держит рукой. Под его рассказы выросли внуки, и в их памяти он остался именно такой: веселый, неунывающий, с живой, вечно звучащей трехстрункой. Так и ушёл из жизни, держа балалайку в руках.

Он ушел, а балалайка отправилась вместе с моей прабабушкой в далекую Москву, в семью его сына. Стояла на полочке, и никак не могли все привыкнуть к тому, что уже не играет она, молчит. А ведь прадед всегда говорил: «Инструмент должен играть, он ведь живой!» И попала наша балалайка в школу, где учились его внуки, в кабинет музыки. Стояла на полочке. Нет-нет, да подойдет какой-нибудь мальчишка или девчонка, проведёт по струнам, послушает, обрадуется. Звуки-то веселые выходят. Но время идёт, уходят учителя. Сменился и учитель музыки. Балалайку убрали на склад и забыли.

А недавно заговорили о балалайке в семье Павла Карповича, пожалели, что нет ее рядом. Стали искать. И чудо! Вспомнил кто-то, что была балалайка в школе! Нашли, опознали!

Как и раньше, заиграла балалайка, рассказала правнукам всё, что знала, всё, что помнила, всё, что впитала. Она рассказала, а мы записали, распечатали и передали в школу, в школьный музей, вместе с балалайкой. Пусть теперь вместе будут рассказывать о былом!